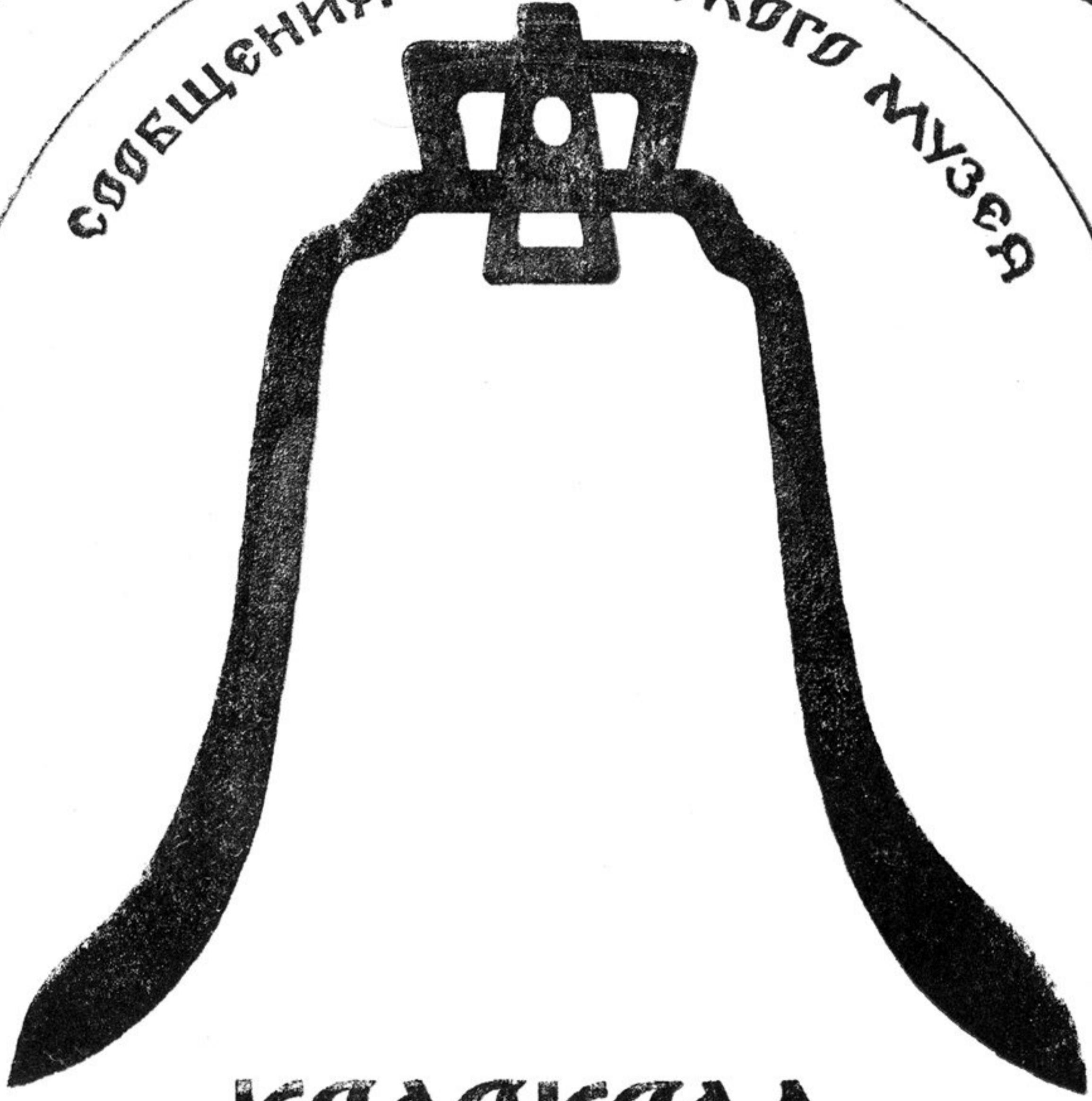

Сообщение Ростовского музея

КОЛокола
и КОЛокольни
РДСТВА ВЕЛИКОГД

1988

Государственный музей-заповедник
«РОСТОВСКИЙ КРЕМЛЬ»

Сообщения
Ростовского музея

ВЫПУСК VII

КОЛОКОЛА И КОЛОКОЛЬНИ
РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Ярославль
ФГИ «СОДЕЙСТВИЕ»
1995

ББК 78.381
С 63

Сообщения Ростовского музея: Выпуск VII. Колокола и колокольни Ростова Великого. — Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Содействие», 1995. — 248 с.

Редактор-составитель А. Г. Мельник.

С - 4400070000-009
М 798 (03)-95 без объявл.

© Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»,
1995.

ISBN 5-85975-037-4

ЗВОНИЦА БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ

О ЗВОНИЦЕ БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ

А. Г. Мельник

Архитектура звонницы Ростовского Борисоглебского монастыря дошла до нас почти в своем первоначальном виде. Пожалуй, после знаменитой ростовской соборной звонницы это второй по значению памятник подобного рода в Ростове и его окрестностях. Что, конечно, не случайно, ибо Борисоглебский монастырь в XVII — середине XVIII вв. являлся самым богатым и большим монастырем указанного региона.

В литературе рассматриваемая звонница описывалась неоднократно¹. Правда, долгое время не было ясности, какова точная дата ее строительства. В качестве такой даты называли и 1680 г.², и 1682 г.³, и 1690 г.⁴ Анализ письменных источников и архитектурных форм данного сооружения позволил, наконец, утверждать, что оно было возведено именно в 1690 г.⁵ Но тогда рассматриваемый памятник является последней по времени звонницей палатного типа в Ростово-Ярославской епархии XVII в. Ранее были построены ростовская соборная звонница (около 1682 г., около 1688 г.)⁶, звонница Ярославского Толгского монастыря (1682—1685 гг.), звонница Угличского Воскресенского монастыря (1680-е г.)⁷.

Видимо, не случайно то, что все эти звонницы возникли в период правления ростовского митрополита Ионы (1652—1690 гг.). Надо полагать, упомянутая ростовская звонница — ее первоначальная трехпролетная часть — (около 1682 г.) — в силу своего особого статуса (она находилась в центре тогдашней епархии) стала образцом для всех остальных названных памятников, в том числе и для звонницы Борисоглебского монастыря⁸.

Рассмотрим более внимательно, что она унаследовала от ростовской звонницы, а что — от других памятников.

Основной объем звонницы (Рис. 1) представляет собой прямоугольное в плане, вытянутое по оси север—юг трехъ-

ярусное сооружение, перекрытое двускатной кровлей и увенчанное тремя барабанами с главками. Первый ярус имел хозяйственное назначение. Во втором располагалась церковь Собор Иоанна Предтечи (Рис. 2). В третьем — ярус звона, своеобразие конструкции которого заключается в том, что с восточной стороны он имеет три пролета, а с западной, обращенной к парадному монастырскому двору, — только два. Данное различие конструкции этих противоположных фасадов возникло потому, что северо-западный угол яруса звона изначально был отведен для устройства особой камеры, в которой находился механизм колоколенных часов (Рис. 3).

К основному объему колокольни с востока примыкает пониженный двухъярусный прямоугольный в плане алтарь Предтеченской церкви, а с севера — массивное двухъярусное богато украшенное крыльцо.

В соответствии с внутренней конструкцией фасады звонницы расчленены горизонтальными декоративными тягами на три яруса; углы оформлены лопатками, а оконные проемы — богатыми наличниками с килевидными завершениями. В целом композиция основного объема памятника восходит к упомянутой ростовской звоннице. От нее же унаследован и прямоугольный в плане алтарь. Однако ростовская звонница никогда не имела часов и какого-либо устройства для них, нет у нее особого крыльца. Иная у нее и внутренняя конструкция. Объем ростовской звонницы, расположенный ниже яруса звона, не имеет деления на этажи, напротив — он расчленен двумя внутренними продольными стенами на три очень высоких колодцеобразных помещения, среднее из которых предназначалось для церкви Входа в Иерусалим⁹.

Своим делением на ярусы Борисоглебская звонница ближе к упоминавшимся звонницам Угличского Воскресенского и Толгского монастырей.

Отличается Борисоглебская звонница от ростовской и формой покрытия. Вместо позакомарного покрытия у нее изначально была устроена обыкновенная двускатная кровля.

Если у ростовской звонницы в подражание рядом стоящему древнему Успенскому собору (нач. XVI в.) окна не имеют никакого декоративного оформления, то наличники Борисоглебской звонницы типичны для архитектуры конца XVII в.

Следует отметить, что трехпролетную конструкцию яруса звона имеет большинство известных звонниц палатного типа XVII в. Таковы звонница московского Симонова монастыря (XVI, XVII в.)¹⁰, звонница Свирского Троицкого монастыря

(между 1647 и 1674 гг.)¹¹, звонница московского Успенского собора «Иван Великий» (рубеж 60—70-х гг. XVII в.)¹², упомянутые ростовская, угличская и толгская звонницы и звонница 1691 г. сузальского Спасо-Евфимиева монастыря.

Ни одна из указанных звонниц Ростово-Ярославской епархии не имеет особой камеры в ярусе звона для колоколенных часов.

Ближайшей аналогией такой камеры Борисоглебской звонницы является камера для часов упомянутой звонницы московского Симонова монастыря¹³. Возможно, именно она и послужила образцом в данном отношении для рассматриваемого памятника.

Но почему мастера и заказчики этого сооружения прибегли к столь далеко расположенному образцу, тем более, что при устройстве упомянутой камеры пришлось существенно трансформировать ставшую уже привычной конструкцию трехпролетного яруса звона? Очевидно, ответ заключается в следующем.

Такие важнейшие монастыри Ростова и его окрестностей, как Авраамиев¹⁴, Белогостицкий¹⁵, Троице-Варницкий¹⁶, Спасский¹⁷, а также архиерейский двор обладали к концу XVII в., а некоторые из них и раньше¹⁸, башенными часами. На исходе средневековья иметь такие часы стало престижным для большинства более или менее значительных монастырей¹⁹. Данная тенденция и привела к возникновению часов на звоннице Борисоглебского монастыря.

Каково же происхождение крыльца борисоглебской звонницы?

Еще В. С. Баниге правильно установил, что крыльцо подобной конструкции существовало у Митрополичьих хором Ростовского архиерейского двора (Ростовского кремля), и указал на сходство этого крыльца с крыльцами Митрополичих палат в Ярославле и «трапезной Белогостицкого монастыря»²⁰. Поскольку же крыльцо Митрополичьих хором (50—60-е гг. XVII в.)²¹ является самым ранним подобным сооружением в Ростово-Ярославской епархии, то можно утверждать, что оно, как и многие другие формы ансамбля Ростовского архиерейского двора, стало образцом для целого ряда аналогичных монументальных крылец различных сооружений Ростово-Ярославской епархии. К ним относятся крыльцо комплекса ц. Георгия (1683 — после 1685 гг.) Белогостицкого монастыря²², крыльцо Митрополичих палат в Ярославле (1680-е гг.)²³, крыльцо рассматриваемой звонницы и, на-

конец, крыльцо (1695 г.) трапезной палаты того же Борисоглебского монастыря.

Особо следует остановиться на совершенно неизученном интерьере церкви Собор Иоанна Предтечи, располагавшейся во втором ярусе звонницы.

Рассматриваемый интерьер лишился всего своего церковного убранства, видимо, в конце 20 — начале 30-х гг. XX в.²⁴ Основные же архитектурные формы интерьера сохранили свой первоначальный облик.

Собственно храм представляет собой прямоугольное в плане ($10,51 \times 5,63$ м), вытянутое по оси север—юг помещение, перекрытое лотковым сводом. Расстояние от уровня первоначального²⁵ пола до шелыги этого свода составляет 7,2 м. Большие арочные оконные проемы расположены в южной и западной стенах. В церковь ведет единственный вход, устроенный в ее северной стене (Рис. 2).

Благодаря тому, что высота помещения значительно превосходит его ширину, интерьер в целом выглядит довольно высоким. Весьма важную роль в образе интерьера играют кажущиеся огромными оконные проемы, заливающие внутреннее пространство церкви ровным интенсивным светом. (Рис. 4).

В основных своих элементах интерьер алтаря повторяет в уменьшенном виде вышеописанные формы интерьера собственно храма. Внутренние размеры прямоугольного в плане, вытянутого по оси север—юг алтаря — $6,92 \times 4,57$ м. Шелыга лоткового свода отстоит от пола на 4,25 м. Широкие оконные проемы, устроенные в южной и восточной стенах, хорошо освещают алтарное пространство. Поскольку лотковый свод расположен довольно низко, то над упомянутыми окнами устроены распалубки. В стенах алтаря имеются многочисленные ниши, предназначавшиеся как для ритуальных целей, так и для хранения церковной утвари.

Характерной чертой рассматриваемого интерьера является то, что алтарь полностью зрительно изолирован каменной стеной от помещения для молящихся. Изначально последнее с алтарем соединяли два невысоких проема, средний из которых предназначался для царских врат, второй (ныне заложен) — для северных врат иконостаса.

Рассматриваемый интерьер принадлежит к вполне определенному и пока малоизученному типу храмового интерьера.

Данному типу интерьера присущи прямоугольное в плане, бесстолпное, вытянутое по оси север—юг, перекрытое ли-

шенным светового барабана коробовым или лотковым сводом пространство собственно храма и зрительно изолированный от него прямоугольный в плане или трехапсидный алтарь. По всей видимости, такой тип интерьера был выработан к середине XVI в., в основном, при строительстве монастырских трапезных церквей. Во всяком случае, уже интерьер Успенской трапезной церкви (1552—1557 гг.) Соловецкого монастыря обладает всеми основными чертами этого типа²⁶. В последующем происходит как бы отделение церкви с интерьером указанного типа от трапезной палаты²⁷. В XVII в. церкви с подобными интерьерами распространились не только в монастырском, но и в посадском строительстве. Такова, например, московская церковь Рождества Богородицы (1649—1652 гг.) в Путинках²⁸. Разумеется, для более полного раскрытия истории происхождения и бытования данного типа церковного интерьера необходимо специальное исследование.

Теперь попытаемся определить, каково было первоначальное или близкое к первоначальному убранство рассматриваемого интерьера, и, в частности, облик его иконостаса.

Для крепления конструкции последнего в процессе строительства церкви в местах соединения боковых стен с восточной ее стеной были устроены специальные вертикальные пазы, весьма характерные для архитектуры того времени.

Паз в северной стене расположен на высоте 174 см от современного уровня пола. Высота паза — 255 см, ширина — 15 см, глубина — 16 см. Паз южной стены находится на высоте 178 см от уровня того же пола. Высота паза — 258 см, ширина — 19 см, глубина — 31 см.

Иконостас Предтеченской церкви в наиболее ранних из известных «Книгах описных Ростовского Борисоглебского монастыря 1748 г.» (Далее — Опись 1748 г.) представлен следующим образом: «Над царскими дверьми деисус в тябле, образ Всемилостивого Спаса и Богородичен, и Предтечев с прочими двадцать одна икона, писаны на красках»²⁹. Как видим, по своему типу иконостас церкви был весьма традиционным, даже архаичным. Он имел тябловую конструкцию и состоял из одного деисусного чина, включавшего в себя 21 икону, которые были лишены каких-либо украшений, и местных икон (см. ниже).

Казалось бы, установить примерную высоту икон вместе с тяблями этого деисуса несложно, достаточно знать высоту упомянутых пазов. Однако простые расчеты показали, что фигурирующий в Описи 1748 г. деисус, видимо, имел высоту

значительно меньшую, чем высота предназначенных для установки иконостаса пазов. В самом деле, если принять, что центральная икона Спаса была примерно в два раза шире остальных икон деисуса, то примерная ширина этих последних равнялась 47—48 см. Если деисус был полнофигурным, то высота икон могла превосходить их ширину лишь в 2—3 раза, а если поясным, то и того меньше. Значит, иконы деисуса в высоту имели самое большое 144 см.

Высота тябла рассматриваемого иконостаса вряд ли превосходила 15—20 см. Так, например, дошедшие до нас тябла иконостаса церкви Иоанна Богослова (1687 г.) близ Ростова имеют высоту 16 см.

Если иконы рассматриваемого деисуса крепились без верхнего тябла, то вместе с нижним тяблом этот деисус в высоту составлял около 160 см или несколько меньше. Высота же упомянутых пазов равнялась 255 и 258 см (см. выше). Получается, что зодчие церкви устроили пазы в расчете на более высокий и, видимо, многоярусный иконостас. Но этот замысел не был осуществлен, по крайней мере, в первые шесть десятилетий существования Предтеченской церкви.

Для сравнения: в церкви Входа в Иерусалим, расположенной в первом ярусе знаменитой ростовской соборной звонницы (около 1682 г., около 1688 г.), высота пазов для крепления иконостаса составляет 288 см, что, как видим, лишь немногого превосходит высоту соответствующих пазов Предтеченской церкви. И в пазах Входоиерусалимской церкви изначально крепился иконостас, состоявший из трех ярусов: праздничного, деисусного и пророческого³⁰.

Для максимально полной характеристики местного ряда иконостаса Предтеченской церкви ниже приведем без изъятий выдержку из Описи 1748 г. с описанием этого ряда: «В церкви Божия милосердия царских двери, на тех дверях образ Благовещения Пресвятые Богородицы и евангелисты писаны на красках. Сень и образы Троицы и Тайны вечери и столпцы деревянные, на столицах и на сени писаны Спасов образ со ангелы и прочими святыми на красках.

По правую сторону царских дверей образ Всемилостивого Спаса в молении Преподобных Сергий и Никон писан на красках;

Образ Собор Иоанна Предтечи писан на красках, венец и цата серебряные позолочены;

Образ Благоверных князей Бориса и Глеба писан на красках ветхой;

Образ преподобного отца Герасима и жена Иордания писан на красках, новой.

По левую сторону царских дверей образ Пресвятая Богородицы Одигитрия писан на красках;

На северных дверях архидиакон Стефан писан на красках;

Образ Иоанна Богослова писан на красках, ветхой;

Образ преподобного Сергия Радонежского чудотворца, писан на красках.

А те местные образы все в киотах деревянных, киоты обиты жестью.

У тех местных образов пелены холщовые писаны красками, в том числе у Богородичного образа пелена выбойчатая, бумажная.

Перед теми же образами пять ломпад жестяных с кистями нитяными»³¹.

Как видим, иконы не только деисусного, но и местного ряда иконостаса были очень скромно украшены. Живопись икон не скрывали обычные для богатых церквей дорогие металлические оклады и другие украшения. Аскетизм оформления интерьера собственно храма подчеркивало и то, что на других его стенах, не имевших росписи, судя по той же Описи 1748 г., вообще отсутствовали какие-либо предметы церковного убранства. А это, в свою очередь, необычайно усиливало художественный эффект, производимый иконостасом. В белостенном, очень хорошо освещенном пространстве этот иконостас отличался исключительной выразительностью.

Характерной чертой данного иконостаса являлось то, что, судя по расположению дверного проема, алтарные царские врата находились не строго посередине местного ряда, а с некоторым смещением к северу, то есть этот местный ряд был асимметричным.

Все сказанное позволяет выполнить схематическую графическую реконструкцию рассмотренного иконостаса (Рис. 5).

Подстать убранству собственно храма очень небогатым было оформление алтаря. Оно включало в себя, кроме обычных богослужебных предметов, всего четыре иконы³².

Упомянутая архаичность иконостаса, а также зафиксированная Описью 1748 г. ветхость отдельных элементов оформления интерьера Предтеченской церкви позволяют считать, что это оформление близко к первоначальному, то есть относится, в основном, к 1690 г.—времени освящения храма³³.

Итак, в результате настоящего исследования с большей или меньшей определенностью выяснилось происхождение

основных архитектурных форм рассмотренного памятника, а также он предстал перед нами не только в качестве звонницы, но и как храм.

Рис. 1. Звонница Борисоглебского монастыря,

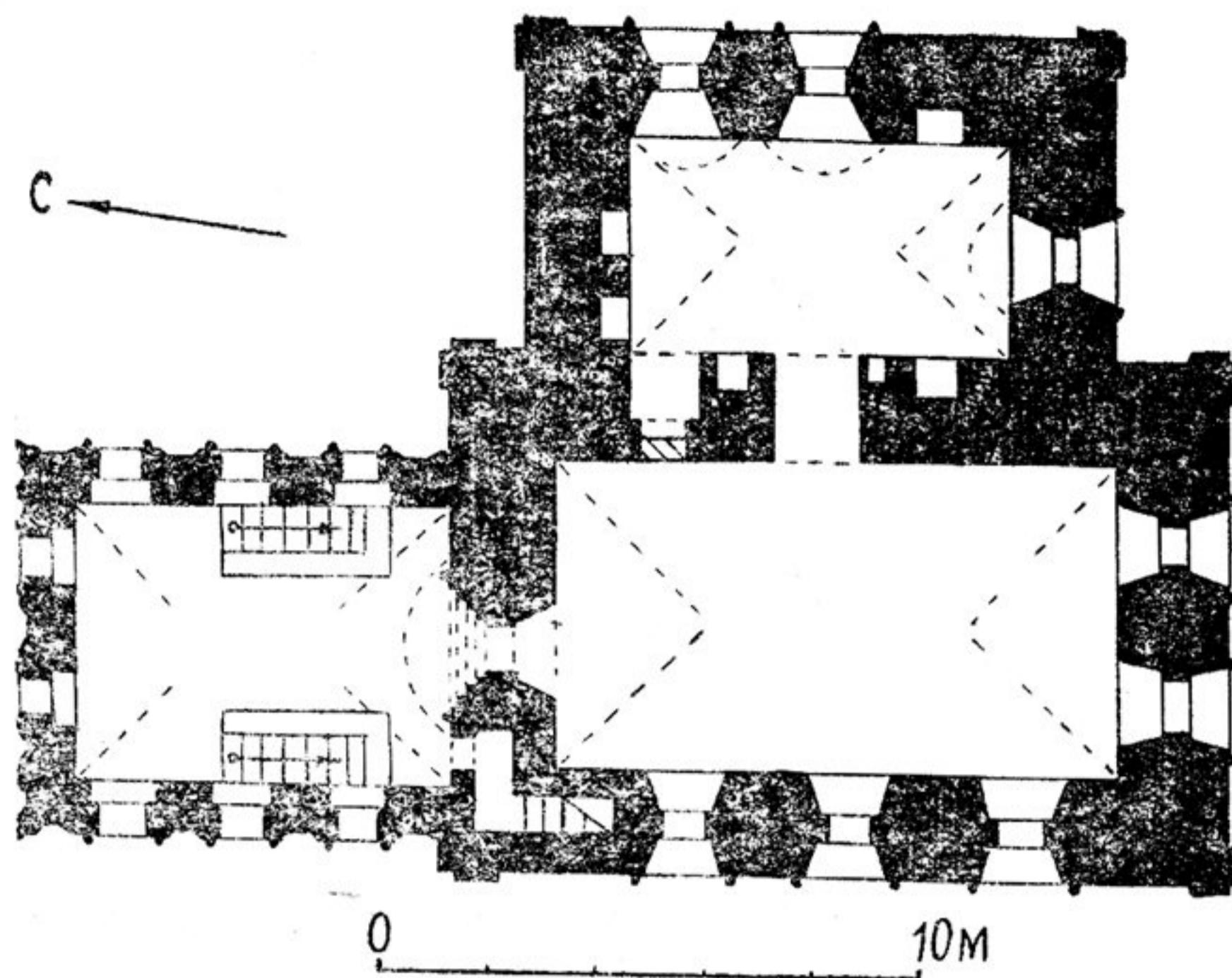

Рис. 2. План второго яруса борисоглебской звонницы, в котором располагалась церковь Собор Иоанна Предтечи.

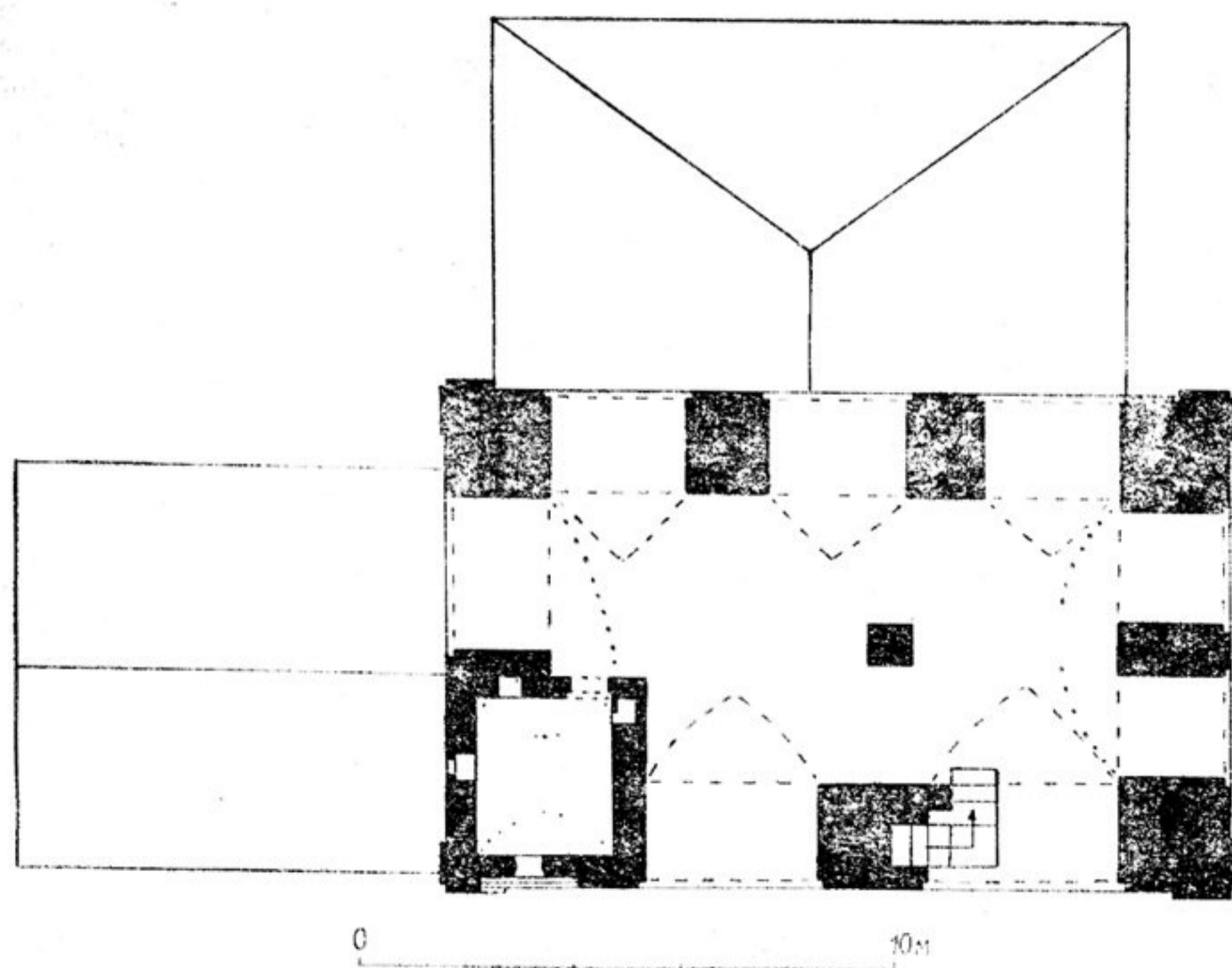

Рис. 3. Звонница Борисоглебского монастыря. План яруса звона.

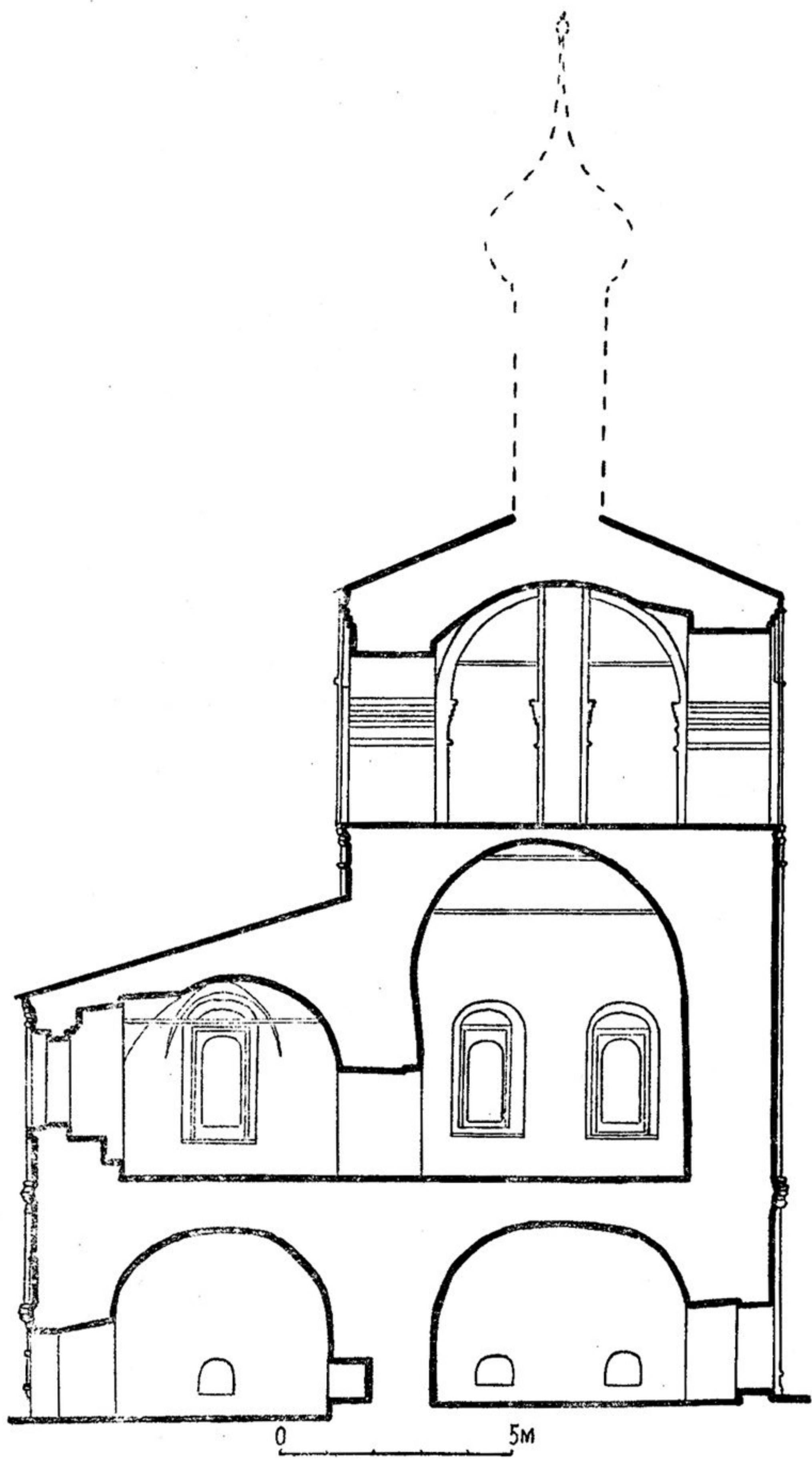

Рис. 4. Звонница Борисоглебского монастыря. Продольный разрез.
По обмеру Р. С. Топоровой. Барабан с главой показаны пунктирной
линией, так как они остались не обмеренными.

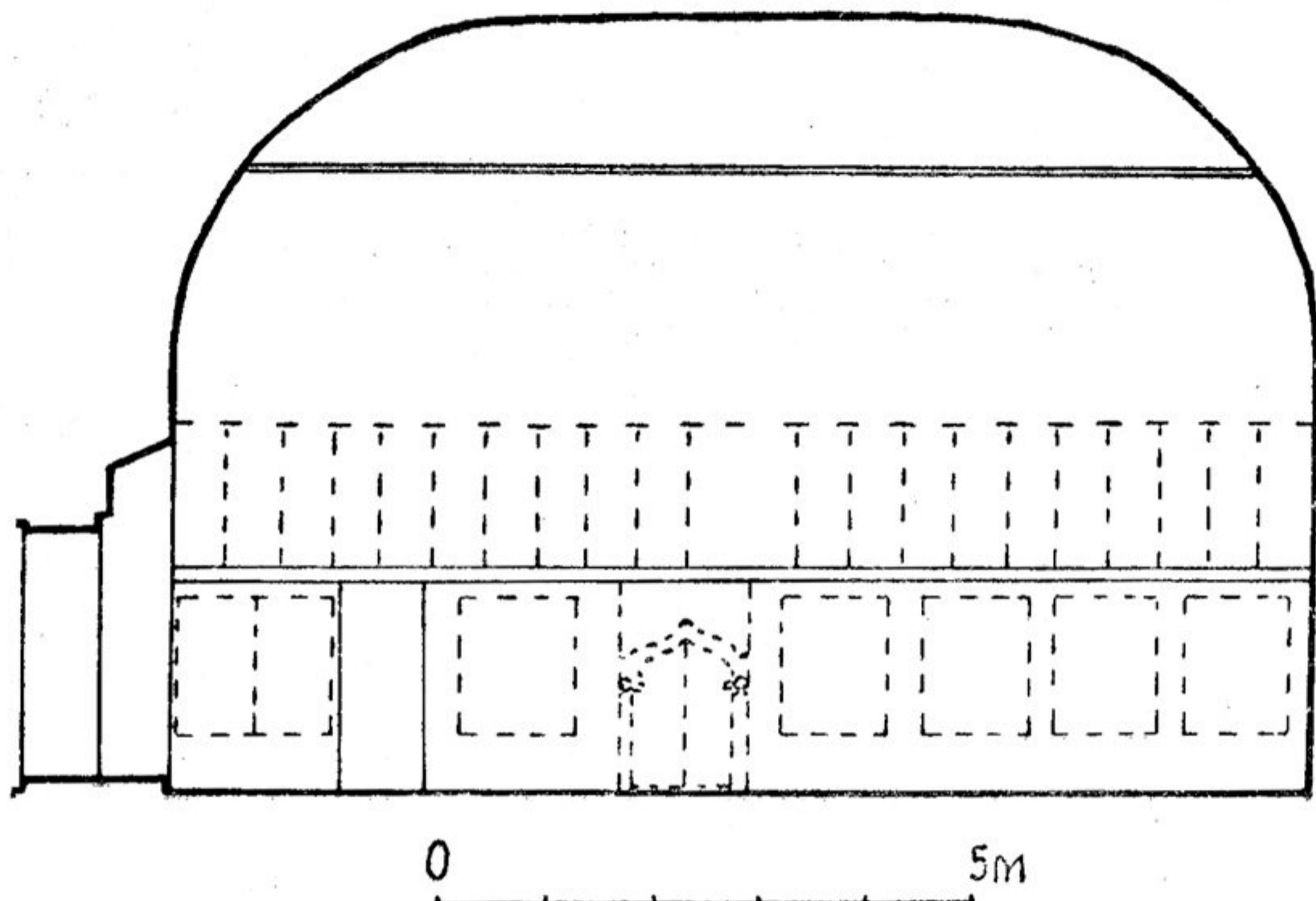

Рис. 5. Разрез по оси север—юг собственно Предтеченской церкви.
Реконструкция первоначального иконостаса.

¹ Боголюбский А. Ростовский Борисоглебский монастырь // ЯЕВ. 1864. Ч. неофц. С. 312; Суслов В. В. Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1900. Вып. VI. Л. 12; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 97—100; Безсонов С. В. Ростов Великий. М., 1945. С. 10; Баниге В. С., Брюсова В. Г., Гнедовский Б. В., Щапов Н. Б. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957. С. 176—178; Ильин М. А. Путь на Ростов Великий. М., 1975. С. 117—119; Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Архитектурный ансамбль Борисоглебского монастыря. М., 1987. С. 138—141.

² Безсонов С. В. Указ. соч. С. 10; Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 174; Ильин М. А. Указ. соч. С. 124.

³ Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 5; Кривоносов В. Т., Макаров Б. А. Указ. соч. С. 138.

⁴ Боголюбский А. Указ. соч. С. 132; Суслов В. В. Указ. соч. Л. 12; Эдинг Б. Указ. соч. С. 98.

⁵ Мельник А. Г. Исследования памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов, 1992. С. 92—94.

⁶ Эдинг Б. Указ соч. С. 100—102; Мельник А. Г. Новое о звоннице // Соборная звонница Ростова Великого. СРМ. Ростов, 1993. Вып. IV. С. 7—8.

⁷ Звонницу Угличского Воскресенского монастыря обычно датируют 1670-ми гг., но это не подтверждено документально. Нам кажется, она не могла быть построена раньше 1680-х гг.

⁸ См.: Баниге В. С. Восстановление Ростовского кремля. Ярославль, 1963. С. 19.

⁹ Мельник А. Г. Новое о звоннице. С. 10.

¹⁰ См.: Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 57. В. П. Выголов датировал утраченную звонницу Симонова монастыря 1543—1545 гг. Однако нельзя исключить, что она была капитально перестроена в XVII в. Данным соображением мы поделились с В. В. Кавельмахером, который не отрицал такой возможности.

¹¹ Голицын Ю. М., Голицына Т. М. Памятники архитектуры Ленинградской области. Л., 1987. С. 134—138.

¹² Датировка В. В. Кавельмахера. (Кавельмахер В. В. Способы древнерусского звона и древнерусские колокольни // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 71).

¹³ См.: Выголов В. П. Указ соч. С. 57.

¹⁴ Мельник А. Г. Исследования памятников... С. 11—17.

¹⁵ Там же. С. 68—69.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Мельник А. Г. Ансамбль ростовского Спасского монастыря // Труды Ростовского музея. Ростов, 1991. С. 119.

¹⁸ Так, например, часовня звонница в Авраамиевском монастыре существует с 1554/55 г.

¹⁹ Ср.: Ле Гоф Ф. Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 172—173.

²⁰ Баниге В. С. Искусство ростовских строительных мастеров. Л., 1963. Диссертация. Л. 190, 393.

²¹ Мельник А. Г. Исследования памятников... С. 32.

²² Там же. С. 67—71.

²³ См.: Суслов А. И., Чураков С. С. Ярославль. М., 1960. С. 124.

²⁴ См.: Мельник Л. Ю. К истории Борисоглебского музея. // СРМ. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 121.

²⁵ Современный уровень пола выше первоначального на 12—13 см.

²⁶ См.: воспроизведение в: Савицкая О. Д. Исследование трапезной Соловецкого монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975. Вып. 1. С. 170—171.

²⁷ Разумеется, вплоть до конца XVII в. церкви с подобными интерьерами продолжали строиться и при монастырских трапезных палатах.

²⁸ См. воспроизведение в: Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 197.

²⁹ РГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1078. Л. 86—86 об.

³⁰ Мельник А. Г. Новое о звоннице... С. 11.

³¹ РГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1078. Л. 85 об.—86.

³² Там же. Л. 84 об.—85.

³³ Рассмотрение дальнейшей истории этого иконостаса не входит в задачу настоящей работы. Однако нам известно, что в 1752 г. он сохранял ту же схему, что и в 1748 г. (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1000. Л. 42 об.—43 об.). К началу же 1760-х гг. иконостас получил дополнительные праздничный (20 икон) и прореческий (20 икон) ряды. (РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 62, Л. 76 об.—78).